

Сковорода Григорий Саввич

**Дружеский разговор о
душевном мире**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г83

Г83 **Григорий Саввич С.**
Дружеский разговор о душевном мире / Сковорода Григорий Саввич – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 94 с.

ISBN 978-5-519-73828-6

ISBN 978-5-519-73828-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Идутъ къ вамъ два разговоры , жаждущіи
вашего лицезрѣнія. Удостойте ихъ своего пріятія. Они уже , прежде рожденія своего, опредѣлены доброму вашему духу. Почтеніе мое къ человѣколюбному и кротчайшему батюшкѣ
вашему , усердіе мое къ вамъ ; а доброжелательство къ цѣлой фамиліи вашей , приноситъ опыте. Христова Философія , обращается около
сердца , и врачуетъ оное. Душа есть , mobile regretteum: подвижность непрерывная. Крыла ея ,
суть мысли, мнѣнія, совѣты. Она, или желаетъ чего , или убѣгаетъ отчего. Желая любить ,
убѣгая бѣжитъ. Если не знаетъ , чего желать ,
а чего убѣгать : тогда недоумѣетъ , сумнитъ ,
мучится сюда и туда ; какъ шарикъ , катается : мѣтется и вертится , какъ магнитная стрѣла: поколь не устремитъ взоръ свой ,
въ дражайшую точку , холоднаго Сѣвера.

Такъ и душа наконецъ , когда найшла Того , Кого нигдѣ нѣтъ , и вездѣ есть: щастлива.

VI

Сей Одинъ долѣтъ ея насытитъ. А безъ Сего, глотаеъ воздухъ , съ ядущимъ , вся дни живота своего , землю змѣмъ.

Мнѣнія подобны воздуху. Онъ между стихіями не виденъ; но твердѣе земли , а сильнѣе воды : ломлетъ деревья , низвергаетъ строенія , гонитъ волны и корабли , ѣстъ желѣзо и камень , тушитъ и разъяряетъ пламень.

Такъ и мысли сердечныя. Онѣ не видны , какъ будто ихъ нѣтъ. Но отъ сей искры , весь пожаръ : мятежъ и сокрушеніе. Отъ сего зерна , зависить цѣлое жизни нашей дерево. Если зерно доброе, добрыми (въ старости напиаче) наслаждаемся плодами. Какъ съемъ, такъ и жнемъ.

Весьма я радъ буду , если сія книжечка въ прогнаніи, только нѣсколькихъ дней, скуки послужитъ. Но куда я доволенъ: если она, хоть въ капль внутренняго міра , поспособствуетъ. Вседражайшій, сердечный Миръ подобенъ самымъ драгоценнымъ камушкамъ. Одна крошечка, цѣну свою имѣетъ. Если станемъ его одну

каплю падить: тогда можемъ, современемъ имѣть цѣлую Чашу спасенія.

Разливши мысли наши, по однимъ наружнымъ попеченіямъ, и — не помышляемъ о душѣ: не разсуждая, что отъ нея всякое дѣло и слово происходитъ; а если сѣмя зло, не лѣзя не послѣдовать худымъ плодамъ. Все насъ спрыхъ оставить, кромѣ сего неотъемлемаго сокровища!

Представьте себѣ смѣсь людей, во всю жизнь, а паче въ кончину лѣтъ своихъ, тоскою, малодушіемъ, отверженіемъ утѣхъ, задумчивою грустью, печалью, страхомъ, отчаяніемъ, среди изобилія, безъ ослабы мучащихся и, вспомните, что все сіе зло и родное нещастіе, родилось отъ преслушанія, сихъ Христовыхъ словъ :

„Ищите прежде Царствія Божія. . .
 „Возвратися въ домъ твой. —
 „Царствіе Божіе, внутри васъ есть!
 „Омый прежде внутренность стагна. . .“

Но благодареніе Всевышнему за то, что никогда не бываетъ поздній трудъ въ томъ,

VIII

что для человека есть самонужнейшее. Царствіе Божіе вдругъ, какъ молнія, озаряетъ душу и, для пріобрѣтенія Вѣры, надобенъ одинъ точію пунктъкъ времени.

Дай Богъ вамъ читать, Слово Божіе, со вкусомъ и примѣчаніемъ, дабы исполнилось на васъ:

„Блаженны слышащїи Слово Божіе и хранящїи.“

Другїй разговоръ скоро послѣдуетъ. А я пребуду,

Милостивый Государь!

Вашего Благородія,

покорнѣйшій слуга,

Любитель Священныя Библіи.

Григорій Сковорода.

ДРУЖЕСКІЙ РАЗГОВОРЪ

С

ДУШЕВНОМЪ МИРѢ.

Л И Ц А :

Афанасій, Іаковъ, Лонгинъ, Ермолай, Григорій.

Г Р И Г О Р І Й.

Перестаньте пожалуйста ! Дорогіи гости мои ! Пожалуйста перестаньте шумѣть : прошу покорно. Что за шумъ и смятеніе? Одинъ кричитъ: скажи мнѣ сплу слова сего : знай себя? Другой : скажи мнѣ прежде , въ чемъ состоятъ, и что значить Премудрость ? Третій вопіетъ : вся премудрость пустошь безъ Мира. Но знаешь ли: что есть Миръ? Тутъ сумма щастія. —

Слыхали ль вы, братія, четвертый вѣшався возглашаетъ , слыхали ль вы , что значить Египетское чудовище, именуемое Сфинксъ ? Что за срамъ ? Думаю : что такого вздору не было и въ самомъ столпотвореніи ! Сіе значить не разговоръ везти; но подѣлавшись вѣтрами, вздуть волны на Черномъ морѣ? Ес-

ли хотимъ разсуждать о Мирѣ , должно говорить осторожно и Мирно. Я мальчикомъ слыхалъ, отъ знакомаго Персіанина, слѣдующую басеньку:

«Нѣсколько чужестранцовъ путешествовали въ Индіи. Рано вставши спрашивали хозяина о дорогѣ. Двѣ дороги, говорилъ имъ человѣколюбный старикъ, вотъ вамъ двѣ дороги, служащія вашему намѣренію! Одна напрямикъ; а другая съ обнякомъ. Совѣтую держаться обняка. Не спѣшите: и далѣе пройдете. Будьте осторожны. Помните, что вы въ Индіи. — Батюшка! Мы не трусы , вскричалъ одинъ вострякъ: мы Европейцы! Мы ѣдимъ по всѣмъ морямъ, а земля намъ не страшна вооруженнымъ. — И, шовъ нѣсколько часовъ, нашли кожаной мѣхъ съ хлѣбомъ, и такое жъ судно съ виномъ. Наѣлись и напились довольно. Отдыхая подъ камнемъ, сказалъ одинъ: не дастъ ли намъ Богъ другой находки? Кажется, нѣчтось вижу въ передѣ по дорогѣ. Взгляните: по ту сторону бездны чернѣетъ что-то. . . — Одинъ говорилъ: кожаной мѣшице. Другой угадывалъ, что огорѣлый пнище. Иному казался камень, иному городъ, иному село. Послѣдній угадалъ точно. Они всѣ тамъ посѣли: нашедши на Индѣйскаго дракона, всѣ погибли. Спасся одинъ,

находясь глупѣе, но осторожнѣе. Сей по нѣкимъ примѣчаніямъ , и по внутреннему предвѣщающему ужасу , притворился остаться за нуждою на сей сторонѣ глубочайшей яруги, и услышавъ страшной умерщвляемыхъ вой, спѣшно воротился къ старику , одобрявъ старинныхъ вѣковъ пословицу: *боязливаго сына матери плакать нѣжево!*»

Не спору: будь сія басня нестаточною; но она есть чучеломъ весьма схожимъ на житіе человеческое. Земнородный ничемъ скорѣе не попадаетъ въ несчастіе, какъ скоропостижною наглостію : и скажу съ приточникомъ , что безсовѣтіемъ уловляются беззаконныи. Сѣтъ бо крѣпка мужу свои устнѣ , и плѣняются устнами своихъ усть! Посмотрите на людскую толпу и смѣсь. Увидите , что не точію пожилыи; но и самыя, съ нихъ, молодчики льстятъ себѣ , что они вооружены рогомъ единорога , спасающимъ ихъ отъ несчастія: уповая , что какъ очамъ ихъ очки, такъ Свѣтъ и Совѣтъ не нуженъ сердцу ихъ.

Сія надежда сдѣлала ихъ оплошными, наглыми въ путехъ своихъ и упрямыми.

А если мой молокососной мудрецъ сдѣлается двоихъ, или троихъ языковъ попугаемъ,

побывавъ въ славныхъ городахъ и въ знатныхъ компаніяхъ; если вооружится Арпеметикою и Геометричными кубами, пролетѣвъ нѣсколько десятковъ любовныхъ Исторій и Гражданскихъ; и — проглотивъ нѣсколько число Коперниканскихъ гилуль: во время оно Платоны, Солоны, Сократы, Пифагоры, Цицероны и вся древность, суть одни только Метелки, надъ поверхностью земли лѣтающіи, въ сравненіи нашего высокопарнаго Орла, къ неподвижнымъ солнцамъ возлѣтающаго и всѣ на Окіанѣ острова перечеитаго. Тутъ-то выныряютъ — хвалители, проповѣдающіи и удивляющіися новорожденной, въ его мозгъ, Премудрости, утаенной отъ всѣхъ древнихъ, яко не просвѣщенныхъ вѣковъ: безъ коей, однакъ, не худо жизнь проживалась. Тогда-то уже всѣ древнихъ вѣковъ реченія великій сей Дій пересуживаетъ и, будто Ювелиръ камушки, по своему благоволенію то одобряетъ, то обезцѣняетъ; сдѣлався вселенскимъ судіею. А что уже касается до Моисея и Пророковъ: и говорить нечево! Онъ и взгляду своего не удостаиваетъ сихъ скучныхъ говоруновъ. Сожалѣетъ будто о ночныхъ птичкахъ, въ несчастный мракъ суевѣрія влюбившихся. Все то у его суевѣріе, чего понять и принять горячка его не можетъ. И подлинно: возможно ль,

чтобъ сіи терновники могли нѣчто разумѣть о премудрости, о щастіи, о душевномъ мирѣ: когда имъ и не снилось, что земля есть планетою? Что около Сатурна есть Луна? А можетъ быть и не одна. Любезныи други! Сіи-то молодецкіи умы, плѣненны своими мнѣніями, какъ бы лестною блудницею, и будто умною бѣснующіися горячкою, лишены оберегателей своихъ, безпутно и безсовѣстно стремятся въ погибель. Портретъ ихъ живо списалъ Соломонъ въ концѣ Главы 7 ѱ, въ Притчахъ отъ 20 до стиха. Съ таковыми мыслями, продолжаютъ путь къ старости безчисленное сердцецъ множество, язвою своею заражая, нахальными нарушители печати Кесаря Августа:

„Спѣши, да исподоволь.“

Ругатели мудрыхъ, противники Богу и предкамъ своимъ, поколь вознесиши до Небесъ, попадутся въ зубы мучительнѣйшему безумію, у древнихъ адомъ образованному, безъ освобожденія, чтобъ исполнилось на нихъ: «Видѣхъ сатану яко молнію. . .» Да и кто жъ не держаетъ быть вождомъ къ щастію! Поколь Александръ Македонскій вель въ домъ живописца разговоръ о сродномъ и знакомомъ ему дѣлѣ: съ удивленіемъ всѣ его слушали. Потомъ

сталъ судейски говорить о живописи. Но, какъ только, живописецъ шепнулъ ему въ ухо: что и самыя краскотеры начали ему смѣяться: тотчасъ пересталъ. Почувствовалъ человѣкъ разумный, что Царю не было времени въ живописныя тайны вникнуть. Но — прочимъ Александроваго ума не достаетъ !

Если кто въ кую-либо науку влюбился, успѣлъ и прославился: тогда мечтаетъ, что всякое уже вѣдѣніе отдано ему за невѣстою его въ приданое. Всякій художникъ о всѣхъ ремеслахъ судейскую произноситъ сентенцію: не разсуждая, что одной наукѣ хорошо научиться, въ силу довлѣетъ цѣлый вѣкъ человеческій.

Ни о коей же наукѣ чаще и отвальнѣе не судятъ, какъ о той, кая дѣлаетъ блаженнымъ человѣка. За тѣмъ думаю, что всякому сіе нужно, такъ будто всякому и учить должно.

Правда, что говорить и испытывать, похвально; но усыновлять себѣ вѣдѣніе: сіе дурно и погибельно.

Однакожь, думаютъ, что всякому легко сіе знать можно.

Не диковина дорогу сыскать; но никто не хочетъ искать. Всякъ своимъ путемъ бредетъ